

ДИН ВЕСЕЛЫЙ поэт посвятил ему эпиграмму: «Секретом, как смешить до колик, владеет этот меланхолик».

Один веселый писатель рассказал, как впервые, еще в 20-е годы, увидел его на сцене: «В спектакле «Республика на колесах» Бениаминов играл Саньку — адъютанта атамана Дудко. Санька плясал лезгинку. С тех пор прошло пятьдесят лет, но я больше не видел такой лезгинки. Все вертелось и крутилось. Качалось само здание театра, и казалось, перевернется находящийся в непосредственном соседстве Елисеевский магазин...».

А Михаил Царев недавно прислал ему телеграмму: «Сердечно поздравляю знаменательными датами. Желаю здоровья, счастья, новых ролей, новых успехов».

Что это за даты! Семьдесят и пятьдесят. Семьдесят — со дня рождения, полвека — на сцене. Теплое поздравление председателя ВТО в числе многих других зачитали на сцене Ленинградского академического театра комедии, где проходило чествование народного артиста республики Александра Бениаминова.

Итак, семьдесят... Впрочем, глядя на юбиляра, все участники торжества дружно засмеялись относительно его возраста: ну никак он не «тянул» на семь солидных десятков. А может, во всем виновата весна!

«СМЕХ—ЭТО ПРИЗНАК ВЕСНЫ»

● ВЫБИРАЕМ СОБЕСЕДНИКА

— Александр Давыдович, извините за сугубо «анкетный» стиль вопроса: как вы относитесь к весне?

— По-весеннему. Обновляется радость — словно ветки на деревьях (радость у меня вообще всегда на вооружении, а весной она обновляется), и этой обновленной радостью я стремлюсь поделиться с людьми.

— Может, все-таки хоть сегодня, когда вам семьдесят, объясните, в чем секрет вашей молодости!

— У меня есть лозунг: «Без работы плуг стареет». Трудись с улыбкой — и не будешь чувствовать груза лет. И еще очень хорошо, если у человека — комсомольская закуска.

Революцию я встретил тринадцатилетним парнишкой во Владикавказе, а через полтора года вступил в РКСМ. Потом был бойцом комсомольской части особого назначения — ЧОНа. Стою как-то в карауле с «кочергой» (так мы тогда именовали берданку), вдруг подходят трое. Одного-то я знал: мой караульный начальник, которого мы для краткости называли карнач. Другой — черный, курчавый, в бурке. Третий — посветлее, в солдатской гимнастерке. Я выпятил грудь и так вытянулся, что черный, в бурке, захохотал. А другой, в гимнастерке, сдерживая смех, взглянул на мои ноги:

— Почему босиком?

— Мы делаем мировую революцию, — отвечаю, — не до сапог!

— Будут сапоги! — говорит тот, что в гимнастерке.

Вечером сапоги мне действительно вручили. А после от карнача узнал, что обязан этим Кирову и Орджоникидзе.

Вскоре меня направили в Москву, на учебу. Приехал в столицу

в полной амуниции: красная комсомолка, брюки галифе, бурковые сапоги, черная папаха, на боку — наган. Вот в таком виде и заявился во МХАТ на «Синюю птицу» Метерлинка. После спектакля твердил себе: «Сыграть бы здесь кого-нибудь, и можно умирать...». (А надо сказать, что эту профессию мне «наворожили» еще в семилетнем возрасте. Мама привела меня в гимназию на приемные экзамены. Я прочитал какое-то стихотворение, а потом вдруг поочередно пожал руки всем экзаменаторам и вышел из класса. Попечитель от растерянности только и произнес: «Ну, артист-ист...»).

Со времени третьего комсомольского съезда прошло совсем немного времени. Ильич призвал нас, молодых, учиться. Но этот наказ вождя мы подчас понимали весьма своеобразно. Я, например, поступил сразу в... четыре вуза. И еще вместе с учебной началась «живая газета», в которой мы и агитировали, и пропагандировали, не скупясь на выдумки. Это была хорошая школа гражданской зрелости. Меня на концертах объявляли не по фамилии, а говорили просто: сэйчас выступит Сашка-комсомолец. Потом наша «живая газета» объединилась с молодежным театром Синей блузы. В уставе «синеглазников», помнится, было записано: «Цель театра Синей блузы — театрализовать текущий момент в художественной форме, агитировать и пропагандировать кампании по советской и профсоюзной линии... Задача: собрать молодые силы актеров, художников, драматургов, создать театр, созвучный текущему моменту, жизненный, берущий из организованного опыта прошлого театра элементы бодрости...». Эти «элементы бодрости» я стараюсь сохра-

нять в себе и по сей день. Особенно весной.

— Какая же из семидесяти весен вам особенно памятна!

— Естественно, та, в которую я был произведен на белый свет... Ну а если говорить совсем серьезно, то никогда не забыть весны сорок пятого года. Ведь этой весной предшествовали такие четыре года... Артисты фронтового театра, которым я руководил с 1941-го по 1945-й, только для моряков Балтики дали 3225 концертов-спектаклей. Кроме того, мы обслуживали 45-ю дивизию, части ВВС, Ораниенбаумский «пятачок», Волховский фронт, краснознаменную Ладогу, псковское направление, армию генерала Масленникова, Гдов, Новгород... Но из всех выступлений особенно запомни-

ть 20 копейка (была такая традиция на фронте)... Прошло несколько месяцев, и однажды, выступая в одном медсанбате, вижу того самого остряка. Рука на перевязи. Протягивает он мне какую-то сплюснутую монету: «Спасибо за 20 копейку, товарищ артист, они уберегли мне сердце». Оказывается, пуля сквозь ватник пробила награудный карман гимнастерки, срикошетила от монетки и вошла в руку. Так еще раз подтвердилась истина, что юмор спасает даже от смерти.

Да, много всякого было за те четыре года... А День Победы этот самый великий весенний день, встретил я в Гдыне. Не помню, сколько раз выступил в то 9 мая, но вот голос на другой день потерял начисто.

— Наверное, весной вы даже к театральным критикам относитесь с одобрением!

— Люблю критику в любое время года. Однажды на фронте изображал бесноватого фюрера. Загримировавшись, с криком «хайль» вышел на полянку, усеянную бойцами. И тут подбежал ко мне боец-казах. Прищурившись, он с ненавистью посмотрел на меня и крепко выругался. Пожалуй, это лучшая из всех рецензий, которые я получаю.

— Были ли у вас еще курьезные случаи на сцене!

— Хоть отбавляй. Помню, в одной пьесе играл маркиза. Во время действия кто-то из партнеров неловко задел мою большую бахвальную бровь, и она отвалилась, обнаружив на лбу белое пятно. Публика сразу заметила, как я ишу на полу злополучную бровь. Нашел, хочу вернуть на место — не приклеивается. Публика ждет, как я выкручусь. Пришлось спрятаться за декорации, снять галстук и завязать глаз. Мое появление в таком виде было встречено аплодисментами. Спектакль продолжался.

— Как вы относитесь к тому, что вас то и дело пародируют, рисуют шаржи?

— С большим удовольствием. Кстати, художник Владимир Гальба «издевается» надо мной не только на бумаге — он и носом крутит, и губы вытягивает, говорят, совсем как я. А артист эстрады Владимир Дорошев, «показывая Бениаминова», придумывает такие гримасы, что однажды я не выдержал и скорее побежал к зеркалу, дабы проверить: неужели у меня в самом деле такая противная физиономия?

— Чего ждете от этой весны!

— Надеюсь, что этой весной мои любимые зрители будут смеяться громче, чем год назад. Готовлю концертную программу, куда постараюсь включить «Мозаику смеха». Постараюсь при этом не забыть слова Гейне: «Юмор терпим только тогда, когда он покоится на серьезной основе...». Однажды, выступая в Доме ученых, я высказал предположение, что медицина срочно должна брать смех на свое вооружение. И ученые со мной согласились. Вероятно, они тоже относятся к смеху очень серьезно. А ведь смех — это признак весны. И поэтому в этот весенний праздник я обращаюсь к зрителям: «Мои дорогие, смейтесь на здоровье!».

Беседу вел
Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото М. Ширмана